

Красовский В.Е., Леденев А.В.

Рассказы «Срезал»

В 1960-е годы, когда в литературной периодике появились первые произведения писателя, критика поспешила причислить его к группе писателей-«деревенщиков». На то были свои резоны: Шукшин действительно предпочитал писать о деревне, первый сборник его рассказов так и назывался — «Сельские жители». Однако этнографические приметы сельской жизни, внешность людей деревни, пейзажные зарисовки не особенно занимали писателя — обо всем этом если и заходила речь в рассказах, то лишь попутно, бегло, вскользь. Почти не было в них поэтизации природы, авторских раздумчивых отступлений, любования «ладом» народной жизни — всего того, что привыкли находить читатели в произведениях В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина, Е. Носова.

Писатель сосредоточился на другом: его рассказы являли вереницу жизненных эпизодов, драматизированных сценок, внешне напоминавших ранние чеховские рассказы с их ненатуральностью, краткостью («короче воробьиного носа»), стихией беззлобного смеха. Персонажами Шукшина стали обитатели сельской периферии, незнатные, не выбившиеся «в люди», — одним словом, те, кто внешне, по своему положению вполне соответствовали знакомому по литературе XIX века типу «маленького человека».

Однако каждый персонаж в изображении Шукшина имел свою «изюминку», противился усреднению, являл особый образ существования или оказывался одержимым той или иной необычной идеей. Вот как напишет об этом позднее критик Игорь Дедков:

«Людское многообразие, живое богатство бытия выражается для В. Шукшина, прежде всего, в многообразии способов жить, способов чувствовать, способов отстаивать свое достоинство и свои права. Уникальность ответа, уникальность реакции человека на призыв и вызов обстоятельств кажутся писателю первейшей ценностью жизни, конечно, с той поправкой, что эта уникальность не аморальна».

Шукшин создал целую галерею запоминающихся персонажей, единых в том, что все они демонстрируют разные грани *русского национального характера*. Этот характер проявляется у Шукшина чаще всего в ситуации драматического конфликта с жизненными обстоятельствами. Шукшинский герой, живущий в деревне и занятый привычной, подеревенски монотонной работой, не может и не хочет раствориться в сельском быту «без остатка». Ему страстно хочется хоть ненадолго уйти от обыденности, душа его жаждет праздника, а беспокойный разум взыскует «высшей» правды. Легко заметить, что при внешней непохожести шукшинских «чудиков» на «высоких» героев-интеллектуалов русской классики они, шукшинские «сельские жители», так же не хотят ограничить жизнь «домашним кругом», их так же томит мечта о жизни яркой, исполненной смысла. А поэтому их тянет за пределы родной околицы, их воображение занято проблемами отнюдь не районного масштаба (герой рассказа «Микроскоп» приобретает дорогостоящий предмет в надежде найти способ борьбы с микробами; персонаж рассказа «Упорный» строит свой «перпетуум мобиле»).

Характерная для рассказов Шукшина коллизия — столкновение «городского» и «деревенского» — не столько выявляет социальные противоречия, сколько обнаруживает конфликтные отношения мечты и реальности в жизни «маленького человека». Исследование этих отношений и составляет содержание многих произведений писателя.

Русский человек в изображении Шукшина — человек ищущий, задающий жизни неожиданные, странные вопросы, любящий удивляться и удивлять. Он не любит иерархию — ту условную житейскую «табелю о рангах», согласно которой есть «знаменитые»

герои и есть «скромные» труженики. Противясь этой иерархии, шукшинский герой может быть трогательно-наивным, как в рассказе «Чудик», невероятным выдумщиком, как в «Миль пардон, мадам!», или агрессивным спорщиком, как в рассказе «Срезал». Такие качества, как послушание и смирение, редко присутствуют у персонажей Шукшина. Скорее наоборот: им свойственны упрямство, своеволие, нелюбовь к пресному существованию, противление дистиллированному здравому смыслу. Они не могут жить, не «высовываясь». Замечательна финальная авторская характеристика героя «Чудика»: «Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом».

Шукшинский герой хотел бы придать своему быту праздничную украшенность, расцветить жизнь воображением; в нем — избыток чувств и стремлений, он любит зрелищные, театральные формы поведения. «Васятка» Князев, всем на диво разрисовавший у себя дома печь, и в гостях стремится сделать приятное снохе и раскрашивает детскую коляску, хотя, как выяснится, сноха не оценит его художественного таланта. Бронислав Пупков настолько входит в роль спецагента, стрелявшего в Гитлера, что искренне плачет, рассказав о роковом промахе.

Высоким порывам шукшинских героев, увы, не дано реализоваться в жизни, и это придает воспроизведенным ситуациям *трагикомическую тональность*. Однако ни анекдотические случаи, ни эксцентричное поведение персонажей не мешают писателю разглядеть в них главное — народную жажду справедливости, заботу о человеческом достоинстве, тягу к наполненной смыслом жизни. Шукшинский герой часто не знает, куда себя деть, как и на что использовать собственную душевную «широту», он мается от собственной бесполезности и бестолковости, он совестится, когда причиняет неудобство близким. Но именно это делает характеры героев живыми и устраняет дистанцию между читателем и персонажем: шукшинский герой безошибочно угадывается как человек «свой», «нашенский».

В произведениях Шукшина важна фигура *рассказчика*. Он сам и те, о ком он рассказывает, — люди общего опыта, общей биографии и общего языка. А потому авторский пафос, тональность его отношения к изображаемому далеки как от сентиментального сочувствия, так и от откровенного любования. Автор не идеализирует своих героев только потому, что они — «свои», деревенские. Отношение к изображаемому в рассказах Шукшина проявляется по-чеховски сдержанно. Ни у одного из персонажей нет полноты обладания правдой, и автор не стремится к нравственному суду над ними. Ему важнее другое — выявить причины неузнавания одним человеком другого, причины взаимного непонимания между людьми.

Об этом — один из самых ярких и глубоких рассказов Шукшина, рассказ «Срезал». Центральным персонажем рассказа Глебом Капустиным владеет «пламенная страсть» — «срезать», «осаживать» выходцев из деревни, добившихся жизненного успеха в городе. Из предыстории столкновения Глеба с «кандидатом» выясняется, что недавно был повержен приехавший на побывку в деревню полковник, не сумевший вспомнить фамилию генерал-губернатора Москвы 1812 года. На этот раз жертвой Капустина становится филолог, обманутый внешней нелепостью вопросов Глеба, не сумевший понять смысла происходящего. Поначалу вопросы Капустина кажутся гостю смешными, но скоро весь комизм исчезает: для кандидата это настоящий экзамен, а позже столкновение перерастает в словесную дуэль. В рассказе часто встречаются слова «посмеялся», «усмехнулся», «расхохотался». Однако смех в рассказе имеет мало общего с юмором: он то выражает снисходительность горожанина к «странностям» живущих в деревне земляков, то становится проявлением агрессивности, выявляет мстительность, жажду социального реванша, которая владеет разумом Глеба.

Спорщики принадлежат к разным культурным мирам, разным уровням социальной иерархии. В зависимости от личных пристрастий и социального опыта читатели могут прочитать рассказ либо как бытовую притчу о том, как «умный мужик» перехитрил «уче-

ного барина», либо как зарисовку о «жестоких нравах» обитателей деревни. Иными словами, он может либо принять сторону Глеба, либо посочувствовать ни в чем не повинному Константину Ивановичу.

Однако автор не разделяет ни той, ни другой позиции. Он не оправдывает персонажей, но и не осуждает их. Он лишь внешне безучастно подмечает обстоятельства их конфронтации. Так, например, уже в экспозиции рассказа сообщается о нелепых подарках, привезенных гостями в деревню: «электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки». Замечено и то, как Константин Иванович «подкатил на такси», и то, как он с нарочитой «грустинкой» в голосе вспомнил детство, приглашая мужиков к столу. С другой стороны, мы узнаем о том, как Глеб «мстительно щурил глаза», как, будто «опытный кулачный боец», шел к дому Журавлевых («несколько впереди остальных, руки в карманах»), как он, «видно было — подбирался к прыжку».

Лишь в финале автор сообщает нам о чувствах присутствовавших при словесном поединке мужиков: «Глеб...их по-прежнему неизменно удивлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще». Так рассказ и завершается: не нравоучением, но сожалением о недостатке такта и участливого внимания людей друг к другу, о встрече, обернувшейся разрывом. *«Простой» человек в изображении Шукшина оказывается совсем «непростым», а деревенская жизнь — внутренне конфликтной, таящей за повседневной маевой нешуточные страсти.*

По форме рассказы Шукшина отличаются сценографичностью: как правило, это небольшая сценка, эпизод из жизни, — но такой, в котором обыденное сочетается с эксцентрическим и в котором открывается судьба человека. Постоянной сюжетной ситуацией оказывается ситуация встречи (реальной или несостоявшейся). В развертываемом сюжете нет внешнего плана: рассказы часто тяготеют к форме фрагмента — без начала, без конца, с незавершенными конструкциями. Писатель неоднократно говорил о своей нелюбви к замкнутому сюжету. Композиция сюжета подчиняется логике беседы или устного рассказывания, а потому допускает неожиданные отклонения и «лишние» уточнения и подробности.

Шукшин редко дает сколько-нибудь развернутые пейзажные описания и портретные характеристики героев. Так, например, описание внешности Глеба ограничивается двумя штрихами: «толстогубый, белобрысый мужик лет сорока». О внешности его будущего противника Константина Ивановича вообще ничего не сообщается. Характеры в шукшинской прозе раскрываются прежде всего в диалогах. Авторский текст часто сведен к минимальным вкраплениям и напоминает театральные ремарки («Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба»).

Граница между «авторским словом» и «словом героя» в большинстве случаев размыта или полностью отсутствует. Яркая сторона индивидуального стиля Шукшина — богатство *живой разговорной речи* с ее разнообразными индивидуальными и социальными оттенками. Герои Шукшина — спорщики, опытные говоруны, владеющие множеством интонаций, умеющие к месту вставить поговорку, пощеголять «ученым» словом, а то и яростно выругаться. В их языке — конгломерат газетных штампов, просторечных выражений и вкраплений городского жаргона. Частые в их речи междометия, риторические вопросы и восклицания придают разговору повышенную эмоциональность. Именно язык — главное средство создания характера Глеба Капустина.

Например, речь Глеба насыщена книжными словами и оборотами («лежать на орбите», «на данном этапе»); несвойственными устной речи канцеляризмами («в какой области выявляете себя?») вместо «кем работаете?»). Комическую окраску речи Глеба придают постоянные ошибки в использовании иностранных слов, ложные термины («стратегическая философия», «общеобразовательные кандидаты»). Рядом с этими элементами в языке Капустина — сильнейшая разговорная струя: поговорки, присказки, сравнения.

Сочетание разнородного производит комический эффект. Но в обвинительной речи Глеба в адрес «кандидата» отсутствуют ошибки, и от комической окраски не остается и следа. Глеб дает своей обвинительной речью образец идеологической проработки: будто подражая газетным образцам, он перестает слышать «кандидата», закрепляя свою победу обвинением оппонента в незнании и непонимании народа и издевательскими призывами к скромности.